

Молодая девушка, что купила сладости, была вовсе не из богатой семьи. Эти три вэня она тайком откладывала, подрабатывая по вечерам — всё ради того, чтобы в минуты особого желания побаловать себя чем-нибудь вкусеньким.

Она завернула сладости в платочек, спрятала за пазуху и зашла во двор. Подняв глаза, она тут же столкнулась с женой второго брата, которая, видимо, специально поджидала её у входа. Это была женщина с лицом ехидным и колким, и слова у неё, как водится, были под стать внешности.

— Ого, Сан-нян снова за сладким бегала? — протянула она с ядовитой усмешкой.

Во взгляде Ли Сан-нян промелькнуло отвращение, но она быстро взяла себя в руки и с безразличием в голосе ответила:

— Где уж мне. Все деньги от подённой работы у меня матушка забирает.

Вторая невестка Ли была уверена, что у неё в кармане точно спрятаны сладости, но подойти и просто так обыскать она не посмела. Хоть старая госпожа и души не чаяла в сыновьях, дочь всё-таки тоже родная кровь, и если вторая невестка посмеет залезть к ней в карман, неважно, найдёт ли там что — она получит выговор и рискует оступиться на крепком семейном льду. Потому и решила не лезть напролом, лишь бросила пару ядовитых слов и отошла.

Ли Сан-нян, добравшись до своей комнатухи, тут же заперлась, прислушалась у окна — и, лишь убедившись, что снаружи всё стихло, наконец достала спрятанные сладости из складок платка.

Три кусочка османтусового пирога лежали перед ней, распространяя тонкий, тягучий аромат молока и мёда. Он наполнил всё пространство, будоража рецепторы — и она, не выдержав, схватила один кусочек и закинула в рот. Сладкий вкус тут же разлился по небу, пронзительно яркий, но не приторный, мягкий, будто обволакивающий. За все годы, сколько она пробовала деревенских или рыночных сладостей, ни одна не могла сравниться с этим пирогом. Съев первый, она уже не смогла остановиться, и в мгновение ока умяла все три и только тогда остановилась, с грустью оглядывая пустой платок.

И тут же в сердце закралось сожаление — ведь эти три вэня она собирала целых три месяца. Матушка всегда строго следила за деньгами, и Сан-нян приходилось потихоньку просыпаться ещё до рассвета, подолгу работать, делать что-то тайком, чтобы хоть немного заработать. Даже лампу по вечерам зажигала редко, чтобы не тратить масло впустую. Потому эти сбережения, её тайный запас, доставались с огромным трудом — один вэнь в месяц.

Раньше, когда Ли Сан-нян удавалось купить три кусочка сладостей, она экономила их по полной — каждый день откусывала по крохотному кусочку, и одного пирога ей хватало почти на месяц. Но сегодня... сегодня она почему-то не смогла удержаться.

Хотя, с другой стороны... Османтусовый пирог был действительно слишком вкусным, его аромат и сладость были просто непреодолимыми. Тут уж как себя удержишь?

Она облизала губы — на них всё ещё оставался вкус сладкого пирога с цветами османтуса. Хотелось ещё. Очень. Но как теперь пережить следующие два месяца? А если тот торговец больше не появится? Раньше-то его тут и не бывало... если он просто зашёл один раз и больше не вернётся, то как ей быть? Она попробовала это чудо — и теперь любая другая сладость казалась ей жалким подобием. И ведь сколько денег на те, прежние, уходило! Лучше бы всё сберечь и покупать только такие, как этот.

В раздумьях Ли Сан-нян не заметила, как подошло время ужина. В доме была заведена строгая очередность: каждый день кто-то из женщин семьи был дежурным — чтобы не возникало лени или желания отлынивать, старая матушка Ли установила правило: по одному дню на человека — так никому не обидно.

Сегодня дежурство было не за Ли Сан-нян, и она могла немного перевести дух.

Звать её к столу пришёл её старший племянник. Как только она открыла дверь, мальчик тут же принялся активно втягивать носом воздух. Ли Сан-нян грозно на него взглянула, и он, испугавшись, моментально дал дёру.

Но это был избалованный ребёнок, первый внук в семье, любимчик старой госпожи Ли, и потому на ужине сразу устроил сцену:

— Бабушка! Я хочу пирог! Дай сладкий пирог!

— Сладости — это дорогое удовольствие, — строго отрезала старая госпожа. — Если не праздник, не Новый год или фестиваль какой — нечего и мечтать!

— Но третья тётя ела! Я сам чувствовал, у неё в комнате пахнет! Такой вкусный запах, я тоже хочу!

Старшая госпожа Ли нахмурилась.

Вторая невестка Ли тут же подлила масла в огонь, старательно раскрашивая картину:

— Я так и знала! Как только услышала, что в квартале появился торговец с пирогами, Сан-нян тут же вышла из дома. Я у неё спросила — не купила ли она чего, а она отвечает, что нет. А оказалось, втихаря от детей всё слопала!

— Я тоже хочу сладкий пирог! Хочу такой же, как ела третья тётя! — расплакался племянник, и тут же за ним начали всхлипывать другие дети из дома Ли, хором требуя сладкого.

Старая госпожа Ли отлично знала, как её младшая дочь — Сан-нян — любит сладости, знала и то, что та никогда не филонит, работает честно и усердно, не жалея себя. Значит, если уж и купила что, то только на тайком заработанные ночами гроши. Хоть она и была привязана больше к сыновьям, но дочь всё же оставалась её кровью, и сердце у неё было не каменное.

Она тут же насупилась и громко сказала:

— Какие ещё пироги? Где это у вашей третьей тётки деньги на такое? Всё, что она зарабатывает, я сама забираю, деньги у меня. Она сама по себе ни гроша не имеет. Просто ты, подслушав, как торговец на улице сладости продаёт, увидела, как она вышла, и сразу придумала, что она, мол, тайком купила. А потом вернулась и начала науськивать детей, чтобы те сладости выпросили! Не дать — сразу слёзы! Да ты настоящая сварливая сплетница! Ни дня без склок и лени, всё лишь бы не работать! Думаешь, я тебе это спущу с рук? Вот и нет! Завтра на кухне будешь дежурить вместо Сан-нян. А вы, малявки, если не прекратите реветь, останетесь без ужина!

Дети тут же успокоились, поняв, что с бабушкой лучше не спорить. Вторая невестка Ли тоже не посмела возражать. Её сын действительно почувствовал аромат и устроил сцену, но ведь пирог и правда пах слишком вкусно — тут уж ничем не заткнёшь нос ребёнку.

А Тан Шоу в это время ничего не знал о семейной буре, разыгравшейся из-за его выпечки. Сгустились сумерки, а братья Сюн всё ещё не вернулись. Тан Шоу начал волноваться.

— Может, мои пироги не пришлись по вкусу горожанам? — с тревогой проговорил Тан Шоу. — Ни одного не продали, и потому Сюн Тэ с Сюн Чжу до сих пор не вернулись?

Сюн Чжуаншань поспешил успокоить его:

— Не может быть. У тебя такие вкусные сладости, я и целую пароварку за раз съел бы! Если не продались — значит, сами Небеса решили меня побаловать и всё оставить мне.

Тан Шоу бросил на него раздражённый взгляд, молча фыркнул и выглянул в окно. В этот момент за дверью раздался шум — он тут же вскочил с кровати:

— Сюн Тэ и Сюн Чжу вернулись!

Братья вошли в дом, едва сняв с плеч коромысла, не успели ни отдышаться, ни присесть, как Сюн Чжу уже с досадой заговорил:

— Второй брат, невестка, простите... Я не продал всё, осталось немало.

— Сколько осталось? — поспешно спросил Тан Шоу.

— У меня с братом вместе осталось около десяти лянов, — немного смущённо ответил он.

В эпоху Юй, как и в культуре эпохи Сун, использовалась старая мера веса: один цзинь составлял шестнадцать лянов, а не десять, как в поздние времена. Поэтому Сюн Чжу и назвал остаток не «цзинем», а «десятью лянами»*.

(ПП: 1 лян - примерно 10 гр, 1 цзинь - примерно 500 гр)

Услышав это, Тан Шоу с облегчением выдохнул:

— Всего-то десять лянов? Да вы просто молодцы! Это же первый день продаж — я думал, как минимум половина останется!

— Правда? — глаза Сюн Чжу засияли, он почесал в затылке. — А я-то думал, это мы плохо справились...

— Хватит стоять тут как столбы, — проворчал Тан Шоу. — Живо на кровать, садитесь. Я вам еду разогрею — поешьте, потом и пойдёте.

— А? Не стоит, не стоит! Матушка, наверное, оставила нам еды, — запротестовали Сюн Чжу и Сюнь Тэ в один голос. Они поспешно вытащили из-за пазух деньги и выложили всё на кровать, собираясь уже уходить.

Но Сюн Чжуаншань остановил их:

— Мой фулан специально для вас оставил ужин. Поешьте — потом идите.

Осмелившись остаться, они, конечно, и подлизаться хотели немного, сблизиться с Сюн Чжуаншанем. Всё-таки тот давно уже не просто родня, а человек, в чьих руках стало важное дело всей семьи.

Ужин был простой — лапша, которую Тан Шоу раскатал сам, сварил и подал с небольшим количеством яичной заправки. Но стоило взглянуть внимательнее — это была заправка только из яиц, без капли постороннего наполнителя, — и у братьев сердце сразу сжалось.

— Невестка, да ты ж сколько яиц сюда извёл! Мы ведь простые мужики, нам и половины такого хватит...

— Разве вы не заслужили? — не согласился Тан Шоу. — Вы весь день трудились, неужели не

вправе хорошо поесть? Мы ж для этого и зарабатываем — чтоб не жить впроголодь! Давайте, ешьте скорее.

Сюн Тэ и Сюн Чжу подумали: как же так, если так есть каждый день, сколько же тогда нужно зарабатывать? Но вслух возражать не стали — и первый раз за столько лет поели в доме Сюн Чжуаншаня, где и еда вкусная, и обстановка, кажется, теплее. Потому сели молча и принялись за еду.

И ведь и правда — яйца как яйца, а вкус был особенный. Вроде ничего особенного, но в руках Тан Шоу это блюдо становилось словно праздничным угощением.

А сам Тан Шоу тем временем принялся сосредоточенно считать: всего было пять цзиней сладостей, продано на восемьдесят вэнь. Дополнительно на бартер обменяли четыре шэна муки из клейкого риса, немного мёда и молока. Себестоимость составляла примерно сто вэнь, но часть ингредиентов вернулась, так что в остатке осталось ещё два шэна муки и немного мёда и молока. В убыток они точно не ушли.

Тан Шоу был в отличном настроении, пересчитал выручку и отсчитал десять вэнь:

— Вот, по пять вэнь каждому — тебе и Сюн Тэ. Считайте это оплатой за сегодняшний труд. Не обижайтесь, что немного.

Но братья, считая, что уже получили оплату едой, начали отказываться:

— Не надо, невестка, мы ведь и так поели — разве ж это работа?

— Берите, — твёрдо сказал Тан Шоу. — Это же не разовая затея, а дело надолго. Я ведь не могу вас использовать бесплатно только потому, что вы братья. К тому же, будь вы сейчас не со мной, а где-то нанявшись на работу, наверняка заработали бы больше. Несправедливо будет вас просто так гонять.

Слова-то он сказал правильно, но в глубине души прекрасно понимал, что зимой у крестьян редко когда бывает работа. И если бы Сюн Тэ с Сюн Чжу имели какую-то возможность заработать, давно бы не сидели дома. Их трудолюбие было всем известно, и раз без дела сидят, значит, просто некуда приложить силы. Потому и согласились помочь Сюн Чжуаншаню, раз всё равно бездельничают.

С их точки зрения, помощь брату — не труд, а пустяк. Всё равно руки свободны, почему бы не подставить плечо. Но теперь, услышав, что Тан Шоу рассматривает это не как разовую услугу, а как постоянное дело, оба задумались. Никто вслух ничего не сказал, но суть была ясна: помощь — это одно, а дело — совсем другое. Тем более что нога у Сюн Чжуаншаня восстанавливаться будет долго, и всё это время выносить товар в город придётся им. А семья — она ведь есть семья, её кормить надо.

Тан Шоу, уловив их колебания, сразу предложил:

— Давайте так: пока только начали, оставим всё, как есть. А как дело пойдёт в гору — будем делить прибыль поровну. Я вкладываю сырьё и идеи, вы — силу и время. Сегодня мы продали пять цзиней сладостей и получили чистой прибылью сорок вэнь. Делим пополам — двадцать вам, двадцать мне.

— Так ведь это будто мы наживаемся на втором брате, — смущённо пробормотал Сюн Чжу.

Сюн Чжуаншань твёрдо оборвал:

— Не обсуждается. Делайте, как говорит мой фулан. А теперь идите домой, отдохайте.

Оставшиеся несъеденными сладости он разделил пополам и отдал братьям — пусть отнесут домой, угостят родных, заодно и сами наслаждаются.

А сам... в обед он сдержался — тогда было оставлено четыре кусочка, и Сюн Чжуаншань не притронулся ни к одному, всё отдал Тан Шоу. Но теперь, когда сладкий аромат вновь потянулся к нему, когда в животе заурчало так, что, казалось, все внутренности встали на уши, он не вытерпел — схватил одну сладость и, прежде чем съесть сам, первым делом протянул кусочек Тан Шоу. Лишь потом взял себе и закинул в рот.

— Вот это вкусно, — пробормотал он, наслаждаясь каждым глотком, жуя с шумом и чавканьем, как простой мужик, без церемоний — кусок за раз, грубовато, но с аппетитом.

Но Тан Шоу несколько не возмущался. Напротив, смотрел и чувствовал: вот оно — настоящее, родное. В семье достаточно и одного человека, который к еде придирчив. Второй должен просто с аппетитом есть — и он у него был.

Сюн Тэ и Сюн Чжу вернулись домой с деньгами и сладостями. Но дома их встретила недовольная мать:

— Вот ещё! И сладости принесли, и денег набрали. Не стыдно?

Но Сюн Чжу спокойно ответил:

— А что тут такого? Невестка всё по справедливости объяснил. У нас в доме целая толпа ртов, кормить надо всех. Второй брат с больной ногой всё равно не может пока далеко ходить, а невестка умеет готовить, да только сам не может на рынок выйти. Вот мы и сошлись: мы вкладываем силы, он — продукты. По-честному, никто никого не использует.

Мать слушала, кивала. Понимала — слова разумные. Спорить не стала, лишь проворчала:

— Эти пять вэнь заберите, пусть будут при вас. А если завтра задержитесь, как сегодня, не возвращайтесь домой голодные — купите себе по парочке пирожков или чашке лапши, перекусите.

— Да два вэня вполне хватит, — с простодушной улыбкой отозвался Сюн Тэ.

Старуха взглянула на старшего сына — ну вот уж по-прежнему простодушен, как был с детства, так и остался.

— Сказала взять — значит, бери, — отрезала она, а потом вынула десять кусочков сладостей и отложила пять: — Вот. Тебе один. Двоим детям — по куску. Один — третьему сыну. И ещё один — младшей. Пусть все в доме попробуют.

— Я уже пробовал, невестка нас угостил, — сказал Сюн Тэ. — А ты, мам, сама съешь, пусть тебе останется.

— Вы с третьим весь день на морозе пробыли, продавали. Полностью заслужили.

Лишь тогда он неловко принял кусочек, но так и не съел — не поднялась рука. Вернувшись в свою комнату, аккуратно спрятал его, решив, что отдаст жене, когда та вернётся — пусть и она попробует эту редкость.

Дети же, съев своё угощение, лишь с тоской поглядывали на оставшиеся кусочки, но ни один не заплакал и не попросил ещё. В бедных семьях дети рано учатся понимать — не всегда можно хотеть и получать.

А тем временем Тан Шоу, сидя у себя дома, с блаженным выражением лица пересчитывал медные монеты. Восемьдесят вэнь — не так уж мало, особенно если учитывать, что это его первая настоящая выручка с тех пор, как он попал в эпоху Юй. Первый заработок в новой жизни — почти символ, почти обряд. Он вытащил из сундука три красные шёлковые нити, скрутил их в одну прочную верёвочку и начал по одному нанизывать на неё монеты, тщательно, со вкусом.

Сюн Чжуаншань, наблюдая за этим, смотрел на него с невысказанной улыбкой. Тан Шоу был сейчас точь-в-точь как какой-нибудь бережливый скряга — прищурившийся, сосредоточенный, с почти детским восторгом. Каждую монетку он подносил к свету масляной лампы, рассматривал, приговаривал про себя цифры, и с каждым числом улыбка на его лице становилась всё шире.

Он был до того милым в этот момент, что Сюн Чжуаншань еле удержался, чтобы не рассмеяться вслух. Когда Тан Шоу наконец довязал последние монетки, он с удовольствием потряс получившуюся гирлянду — тяжёлую, звенящую, увесистую. Потом прижал её к груди, потоптался по комнате и начал размышлять: куда бы её теперь спрятать? В карман тяжело, за пазухой неудобно, в сундук — как-то скучно... Стоял, наклонив голову, с серьёзным видом.

И тут из-за его плеча внезапно протянулась большая ладонь.

— Дай мне, — спокойно сказал Сюн Чжуаншань.

Тан Шоу надул щёки, обиженно поджал губы, но всё же, нехотя, протянул только что аккуратно нанизанные монеты Сюн Чжуаншаню. Тот, хоть и сохранял каменное выражение лица, внутри весь словно затрепетал — будто пушистая лапка его любимого котёнка мягко провела по сердцу, оставляя щекочущее, тёплое чувство. Да, это был именно тот самый его котенок — его упрямый, вспыльчивый, но бесконечно милый маленький фулан. Такой недовольный, но всё равно послушный — и от этого только ещё милее.

Тан Шоу фыркнул. Деревенский мужлан! — мысленно пробурчал он. — Такой увесистый мешок медяков — и в пазуху, как ни в чём не бывало! Посмотрим ещё, как он ночью с этим спать будет.

Впрочем, тут же махнул рукой. Всё равно эти деньги... в конце концов, они же и есть «приданое» для Сюн Чжуаншаня. Всё, что он зарабатывал, в конце концов принадлежало ему. Так какая разница — сейчас отдаст или потом?

Решив, что не стоит ломать себе голову, он скинул обувь и забрался в постель. Холодно! Только в одеяле по-настоящему тепло.

Сюн Чжуаншань, глядя на него, с трудом сдерживал улыбку. Ну как же он прекрасен! Такой крохотный жадина — прелесть, да и только. Он тоже лёг рядом, осторожно опустившись на старую скрипучую деревянную кровать, которая, принимая на себя вес двоих, громко застонала, закрипела и продолжала протестующе поскрипывать всю ночь.